

Картины и эпизоды войны.

[355].

Какъ командуютъ въ современной войнѣ.

„Въ современной войнѣ трудно уловить моментъ, характеризующій положеніе дѣлъ тамъ—въ линіи боя. Даже въ непосредственномъ соприкосновеніи—присутствуя при передвиженіи, атакахъ, даже штыковомъ ударѣ—все же нельзя сказать—какихъ результатовъ достигъ тотъ или иной маневръ.

Растянувшіеся на нѣсколько десятковъ верстъ фронты, связанные только общимъ задуманіемъ, не позволяютъ видѣть яркія выраженія побѣды. Генераль на бѣломъ конѣ, скачущій вдоль фронта съ поднятой саблей въ рукахъ и кричащій побѣдоносно—„побѣда, побѣда“... теперь отошелъ въ область преданій. Теперь генераль сидитъ въ какой-нибудь халупѣ, гдѣ въ повалку на сѣнѣ ютятся чины его штаба—сидитъ съ напряженнымъ лицомъ, не отнимая трубокъ телефоновъ отъ уха, и не спуская глазъ съ карты... А телефоны пищатъ смѣшнымъ звукомъ, напоминающимъ дѣтскія трубы на вербахъ, и выхаркиваютъ хрипло и затрудненно донесенія о положеніи дѣлъ...

Я имѣлъ возможность наблюдать однажды такого генерала. Его дивизія выполняла одну изъ труднѣйшихъ задачъ—шла, тѣся нѣмцевъ непрерывными атаками—безъ возможности окопаться, прямо „въ лобъ“, теряя людей и освобождая путь наступленія другой части.

Генераль сидѣлъ сумрачный, не отнимая тяжелой трубки полевого телефона, и время от времени на маленькомъ клочкѣ бумажки, исчерченномъ длинными, ломающимися линиями синяго и краснаго карандаша, проводилъ медленно, какъ будто съ усиліемъ, и даже не совсѣмъ увѣренно— третью линію— обыкновеннымъ чернымъ... Съ каждымъ пискомъ телефона эта линія вырастала на четверть вершка, тянулась влѣво, останавливалась— и прямые, старчески-твердые пальцы генерала въ раздумьѣ вертѣли карандашъ...

Смутно догадываясь, въ чемъ дѣло, я невольно слѣдилъ за этой тоненькой черной линіей, что съ такимъ трудомъ, такъ медленно и упорно шла впередъ. Каждый гудокъ телефона заставлялъ жадно впиваться глазами въ конецъ карандаша, и когда сухіе, чуть вздрагивающіе пальцы нерѣшительно кружились на мѣстѣ— становилось больно, хотѣлось что-то сдѣлать, чему-то помочь... А когда линія, неуклонно загибаясь полукругомъ, продвигалась впередъ, и адъютантъ— молодой, съ напряженнымъ лицомъ и закушенной нижней губой отиѣчалъ, поглядывая на лежащій передъ генераломъ листокъ, такую же линію на двухверсткѣ-картѣ, сердце начинало учащенно биться и радостная увѣренность зарождалась въ немъ...

Наконецъ, черная линія сдѣлала подковку, оставляя за собою синюю и красную, и, на секунду оторвавшись отъ трубки, генераль бросилъ ожидавшему тутъ же полковнику:

— Распорядитесь ввести Н-скій полкъ... Вотъ здѣсь,— онъ ткнулъ карандашомъ въ свой листокъ, и адъютантъ точно повторилъ его движеніе на картѣ.

Сумрачное,— какъ и всѣ лица въ этотъ моментъ, напряженное лицо полковника вдругъ просвѣтлѣло, адъютантъ понимающе и тоже радостно кивнулъ ему головой— и полковникъ, придерживая шашку, тяжелой рысцой полного человѣка побѣжалъ къ двери.

И сразу въ тѣсной, душной халупѣ, наполовину заваленной сѣномъ съ разбросанными на немъ походными сумками, защитными кителями и торчащими въ углу голенищами сапогъ— стало какъ будто свѣтлѣе, легче, словно, сквозь распахнутую торопливо убѣжавшимъ полковникомъ дверь, ворвалась струя свѣжаго воздуха.

— Нѣмцевъ обошли...— шепнулъ мнѣ сидѣвшій рядомъ со мной прапорщикъ, — всю ночь и сегодня цѣлое утро шли боемъ... Онъ (прапорщикъ кивнулъ на генерала) уже тридцать два часа не спалъ и не выходилъ изъ комнаты... Н-скій полкъ стоялъ въ резервѣ какъ разъ на этотъ случай. Обошли-таки нѣмцевъ...— онъ поглядѣлъ на меня— и та же

свѣтлая, сдержанная радость свѣтилась въ его глазахъ.

И одинъ только генераль попрежнему сумрачно, угрюмо, какъ старая умная птица, напряженно сидѣлъ, не сводя глазъ съ листка, исчерченнаго тремя цвѣтными линіями карандаша.

Опять запищалъ телефонъ—лицо у генерала стало еще суровѣе, и отрывисто, какъ будто сердито, онъ буркнулъ въ трубку:

— Н-скій полкъ? Атака.

А когда черезъ полчаса задыхающійся хриплый и дикій какъ всегда въ полевомъ телефонѣ голосъ что-то быстро, торопясь и щелкая, заговорилъ въ трубкѣ, карандашъ генерала сдѣлалъ маленькое, не больше полувершка движеніе: онъ замкнулъ концы намѣченной влѣво отъ синей и красной линіи подковы, и вдругъ старческимъ, ослабѣвшимъ движеніемъ положилъ трубку на столъ и тяжело откинулся на спинку стула.

Адъютантъ тотчасъ подхватилъ трубку и быстро заговорилъ въ нее, и оттуда отвѣтилъ тотъ же торопливый, захлебывающійся и щелкающій голосъ, а генераль обернулся и смотрѣлъ на насъ непонимающими, отсутствующими глазами... Но, уже по тому, что складка на лбу его стала мягче, что въ глазахъ проснулся какой-то теплый огонекъ, было понятно, что большое, сложное, неизмѣримо трудное и стѣсненное сотенъ жизней человѣческихъ дѣло закончилось такъ, какъ было задумано“... (Ф. Купчинскій.— „Бирж. Вѣд.“).